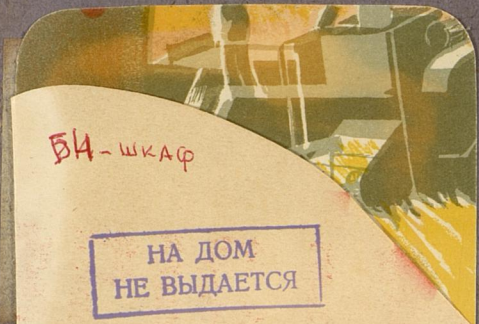
С 421
Сказания современников
о Дмитрии Самозванце.
Ч.1-3
СПб; 1831-1832
Б4

Включено
каталог

1959

БЧ - ШКАФ

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

№ 61696

РК

ТК

ИК 64

V

Кабинет
С42

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.
I.

Граф Николай Петрович Румянцов И.А.Х. Умер 14 Дек. 1826 года

9(47)2
С421
16 АВГ 1993

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

№ 61696
ПРОВѢРЕНО
2214.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Центральная библиотека
ул. Ломоносова, 3
21051
БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
№ 855
С.П.Б. НЕВСКІЙ Д. № 54

Часть I.

Берова Лѣтопись Московская.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1831.

1943

Проверено 1936 г.
90 АК 1934 г.
ИЮЛ 1939
2000
2007
2016

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
сурный Комитетъ *три* экземпляра.

Санктпетербургъ, Августа 8 дня, 1831 г.

Цензоръ *О. Сенковскій.*

1931

Никогда Отечество наше, до восшествія на престолъ знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ Государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, ибо зналъ, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастія подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на оный сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ прелестной Ксеніи, опору своего могущества..... и все это рушилось, и все это изчезло, какъ мечта! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію

отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ: бродяга явился на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло, хотѣлъ быть выше Королей и Цесаря, готовилъ важный переворотъ—и упоенный счастіемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Димитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ Судьбы, взволновало наше Отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемисъ, Чувашей, Казанцевъ..... Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Димитріемъ, и—повѣритъ ли потомство?—нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ Боярами, съ Князьями, предались Жиду—Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагеря, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего Отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго—прощай

Россія—и на вѣки. Къ счастію заблужденіе изчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за Вѣру, за Отечество; явили доблести Героевъ, и подъ сѣнію Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ пловцы послѣ страшной бури.

Если Исторія, изображая судьбу Царствъ и Народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ Святынѣ и Законамъ, любовь къ Истинѣ, Красотѣ, Добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые: то едва ли найдемъ въ Лѣтописяхъ Человѣчества эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша Исторія въ началѣ XVII вѣка; по крайней мѣрѣ для насъ, Россіянъ, знать время Самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія Исторіи многихъ народовъ иноплеменныхъ. Самые легкіе, даже неправильные очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ сіе время, врѣзываются глубоко въ нашей памяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя... Ермогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ трепета сердечнаго произноситъ священныя имена

ваши, хотя мы знаемъ о васъ только по темному преданію, хотя до сихъ поръ, въ сумракѣ временъ, вы стоите какъ величественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памятники дѣлъ вашихъ—сказанія современниковъ, ваши собственныя—истлѣваютъ въ Архивахъ.....

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо разкрылся характеръ народный: тутъ явился въ полномъ блескѣ Россіянинъ—непоколебимый въ Вѣрѣ, въ Законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности Царю и Престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной жизнѣ. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, сему характеру: его одушевляетъ та же преданность къ Вѣрѣ, къ Престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ Исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всѣми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, сіе достопамятное время даетъ обильную пищу воображенію: тамъ найдетъ Поэтъ или Художникъ картины очаровательныя; тамъ увидитъ онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ невѣроятныхъ, тѣмъ не менѣе истинныхъ, каждаго съ выразительною физіогноміею. Пусть наши юные Пѣвцы, наши Романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Димитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскимъ, а болѣе всего, пусть узнаютъ Ермогена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, Гетмана Жолкѣвскаго, Налета Лисовскаго, Пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ ихъ дѣла и характеры кистію вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ—и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта,—по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей Исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка, столь неизчерпаемаго источника наслажденій, какъ любитель Бытописанія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ же-

ланіемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событій, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать человѣка. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россіи: если онъ дѣйствительно обагрилъ руки свои кровію Св. Отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для Отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Димитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣе любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ—но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли Іезуитовъ? Далѣе, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сіи предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша Исторія представляетъ, по

большой части, однѣ *загадки*: не говоря о временахъ древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни Царя Іоанна, ни Алексѣя, ни Софіи, не знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А болѣе всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ начерталъ картину плѣнительную; но многое въ сей картинѣ темно, не полно, не твердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Димитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? По чему онъ вѣритъ одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же Автора, почему онъ говоритъ, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не льзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сличимъ ихъ показанія; тогда многія загадки изчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-то менѣе всѣхъ извѣстенъ.

Вотъ мысль, побудившая меня собрать сказанія Современниковъ иноземцевъ о Димитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ свои силы, чтобы принести удовольствіе и пользу Любителямъ Русской Исторіи. Впрочемъ сколь ни лестно для меня благосклонное вниманіе Публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ея одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего Отечества.

Николай Устряловъ.

14 Іюля,
1831.

2214
I-IV.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

Мартинъ Беръ, *Martinus Bäer*, родомъ изъ Нейштата, жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василіи Шуйскомъ и во все время Междуцарствія. Неизвѣстно, кто вызвалъ его изъ Германіи — Борисъ ли Годуновъ, усердно искавшій образованныхъ иностранцевъ, или Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, пригласили его отъ себя, какъ искуснаго Проповѣдника? Достовѣрно только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, съ званіемъ Студента, и тогда же былъ избранъ въ Пасторы Московскими Лютеранами, коимъ Царь Борисъ дозволилъ выстроить божницу за рѣкою Яузою. При семъ Государѣ, Беръ спокойно отправлялъ свои обязанности и заслужилъ всеобщее уваженіе; по смерти же его, пріобрѣлъ дружбу и довѣренность славнаго Баеманова, который не рѣдко съ нимъ бесѣдовалъ, повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои и не скрывалъ самозванства мнимаго Димитрія. Беръ, сколько можно догадываться, былъ въ чести и у легкомысленнаго Отрепьева, такъ,

что съ его дозволенія заговорилъ Лютеранскія проповѣди во Дворцѣ Кремлевскомъ! По восшествіи Шуйскаго на престолъ, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала всѣхъ вообще иноземцевъ, и съ семействомъ своимъ удалился въ городъ Козельскъ; тамъ онъ мирно жилъ среди своей паствы, но недолго: по навѣтамъ злыхъ людей, Тушинскій Воръ приказалъ привезти его въ Калугу и со многими Нѣмцами утопить въ Окѣ. Къ счастію бѣдныхъ Нѣмцевъ, вступилась за нихъ Марина: убѣжденная слезами своихъ *Фрейлинъ*, Нѣмокъ, духовныхъ дщерей оклеветаннаго Пастора, она съ опасностію собственной жизни, смягчила кровожаднаго Самозванца. Въ надеждѣ на покровительство Марины, Беръ переселился изъ Козельска въ Калугу. Когда же Воръ Тушинскій кончилъ бѣдственную для Россіи жизнь отъ руки Татарина Уруса и на Русскій престолъ избранъ былъ Владиславъ, онъ снова пришелъ въ Москву къ друзьямъ своимъ Полякамъ, и тамъ видѣлъ страшное кровопролитіе, вызвавшее Минина и Пожарскаго къ мести, къ спасенію Отечества. Почему и когда удалился Беръ изъ Россіи, неизвѣстно; знаемъ только, что

знаменитый Олеарій, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, бесѣдовалъ съ нимъ въ Нарвѣ и слушалъ его сказанія о Московіи.

Внимательный свидѣтель любопытнѣйшей эпохи нашего Отечества, очевидецъ происшествій, почти невѣроятныхъ, Беръ рѣшился предать воспоминаніе объ оныхъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую *). Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей Исторіи съ 1584 года по 1612, т. е. со времени восшествія на престолъ Ѳеодора Іоанновича до разоренія Москвы Поляками. Большую часть происшествій сего времени Беръ видѣлъ собственными глазами, или свѣдалъ отъ лицъ достовѣрныхъ: довольно приномнить, что онъ бесѣдовалъ съ Басмано-

*) Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584—1612. Подлинникъ писанъ старинным языкомъ Нѣмецкимъ съ примѣсью Латинскихъ изрѣченій и пословицъ; онъ еще не изданъ, и хранится въ рукописи у немногихъ любителей Исторіи. Кельхъ и Трейеръ, имѣвшіе Берову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя оной Конрадомъ Буссау или Буссо: кромѣ современнаго свидѣтельства Нестреева, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясные признаки, что Авторомъ ея былъ Маршинъ Беръ. См. Нестреева Muſzkow. Chron. стр. 391 и Берову Лѣтоп. Московс. стр. 77. 172—181.

вымъ, съ Маржеретомъ, зналъ лично обоихъ Лжедимитріевъ, Марину, Пана Сапѣгу, однимъ словомъ зналъ всѣхъ людей, исключая развѣ Сигизмунда, которые играли столь важную ролю въ нашемъ Отечествѣ въ началѣ XVII вѣка. Отъ сего, рѣдкое извѣстіе Бера не льзя подтвердить свидѣтельствами несомнѣнными, напримѣръ Государственными актами; рѣдкое событіе утаилось отъ его любопытнаго и проницательнаго взора; онъ разгадалъ характеръ Бориса Годунова, Димитрія Самозванца, Василія Шуйскаго; каждое лице, имъ упоминаемое даже мимоходомъ, имѣетъ свою отличительную физіогномію, а главные Герои исполнены жизни и души. Все сочиненіе его есть вѣрная картина бѣдствій Россіи, терзаемой Самозванцами, Нѣмцами, Поляками, Татарами: краски и черты ея выразительны, ибо Историкъ описывалъ все, что онъ видѣлъ и зналъ, перомъ наблюдателя умнаго, опытнаго и нерѣдко безпристрастнаго. Сверхъ того, Беръ объясняетъ многіе случаи своего времени, бывшіе загадкою для потомства: такъ, отъ него узнаемъ навѣрное, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ.

Однимъ словомъ, твореніе Бера есть сокро-

вище неоцѣненное для Русской Исторіи; одного только не достаетъ къ полному совершенству его: Авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей, потому ли, что тайная злоба руководила перомъ его, или онъ не постигъ духа времени; по крайней мѣрѣ, часто судилъ о Россіянахъ весьма несправедливо: тамъ, гдѣ они отъ Историка безпристрастнаго заслужили бы легкія укоризны, даже похвалу, Беръ клянетъ ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Россіянъ, непоколебимыхъ въ Вѣрѣ, въ благочестіи, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности Государю, варварами, идолопоклонниками, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ то сердечнымъ умиленіемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло и слегка укоряетъ за мрачныя преступленія; пристрастіе къ Нѣмцамъ отчасти извинительно; но выхваляя Поляковъ и безъ пощады порицая Россіянъ, Авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему не льзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ

и злополучія Россіи были Поляки: ибо самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства; при всемъ томъ говоритъ о нихъ несравненно снисходительнѣе, нежели о Россіянахъ, такъ, что по его словамъ не Поляки, а мы были во всемъ виновны. Впрочемъ эта явная несправедливость не уменьшаетъ достоинства Берова сочиненія: потомство судитъ по фактамъ и не вѣритъ укоризнамъ, не подкрѣпленнымъ доказательствами, факты же описаны Беромъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться въ сужденіи, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Съ сей же точки должно смотрѣть на упреки, коими Авторъ осыпаетъ нашихъ праотцевъ въ дѣлахъ Вѣры: не забудемъ, что онъ былъ Лютеранинъ XVII вѣка, когда невѣроятный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы и готовилъ для Европы войну тридцатилѣтнюю: если самые Католики въ глазахъ Лютеранъ казались хуже язычниковъ; могли ли ожидать пощады мы, Русскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣлившіеся отъ Западной церкви? И потому пусть злой Пасторъ честитъ насъ идолопоклонниками, пусть отвергаетъ нашу святыню, и разсказываетъ нелѣ-

пую басню о Св. Димитріи—мы смѣемся его сказкамъ, и въ самыхъ укоризнахъ находимъ доказательства истиннаго благочестія, которое всегда одушевляло нашихъ предковъ.

Руководствуясь сею мыслію, я смѣло передавалъ всѣ сужденія Автора, даже самыя нелѣпыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету.

Читатель найдетъ въ числѣ примѣчаній нѣсколько выписокъ изъ Московской хроники Петрея и вѣроятно спроситъ, для чего многія изъ нихъ приложены? На сіе считаю долгомъ сказать: Шведскій Посланникъ Петрей, *Petrus Petreius de Erlesunda*, жившій въ Москвѣ 4 года, въ царствованіе Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго, издалъ въ 1620 году хронику Московскую *), гдѣ разсказываетъ Исторію Россіи отъ основанія Государства до мира Столбовскаго и описываетъ гражданское состояніе

*) Historien und Bericht von dem Groszfürstenthum Muschkow, mit dero schönen fruchtbaren Provincien et caet. Lipsiae, 1620 in 4°. На Шведскомъ издана 1619.

нашего Отечества въ началѣ XVII вѣка: свѣденія о Русской Исторіи до смерти Іоанна IV, Петрей выбиралъ изъ Герберштейна, Гваньини, Одерборна, а самыя любопытныя извѣстія о Борисѣ Годуновѣ и Самозванцахъ заимствовалъ изъ Мартина Бера, т. е. переписалъ его Лѣтопись почти цѣликомъ, съ немногими выпусками и дополненіями, въ коихъ отчасти поясняетъ Бера, отчасти разсказываетъ нѣкоторые случаи совсѣмъ иначе; сверхъ того вездѣ поправляетъ слогъ оригинала, и всегда почти неудачно, растягивая оный излишнимъ многословіемъ. Переводить Петреевы сказанія о Самозванцахъ вполнѣ, значило бы повторять Бера; посему я рѣшился выписать изъ Московской хроники все, чего не говоритъ Беръ, и сіи выписки присоединить къ сочиненію сего послѣдняго въ примѣчаніяхъ, въ надеждѣ оказать читателю двойную услугу.

Приложенный къ сей части портретъ Самозванца, извѣстнаго подъ именемъ Отрепьева, съ снимкомъ его подписи, гравированъ съ современной медали: потомству любопытно будетъ взглянуть на черты злодѣя, ознаменованнаго необыкновенною силою души.

ЛѢТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ЛЕТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

Перевод съ Нѣмецкаго.

ЛѢТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА I.

Царствованіе Ѳеодора Іоанновича.

1584—1598.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Ѳеодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе Царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Ѳеодора. Романовы отвергаютъ скипетръ.

Въ пятое воскресенье великаго поста 1584 года, умеръ Государь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Мучитель [1]; послѣ него остались два сына, Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ; а младшій удалился вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою покойнаго Государя, Маріею Ѳеодоровною, изъ рода Нагихъ, въ назначенное ему Княжество Углицкое, лежащее отъ Москвы въ 90 верстахъ, или 18 миляхъ [2].

1584-1598. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, Государь набожный,—какъ и всѣ Москвитяне,—заботился болѣе о своихъ иконахъ, нежели о правленіи, и охотнѣе посѣщалъ церкви Св. Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, чѣмъ Совѣтъ Государственный. Собравъ Князей и Бояръ своихъ, онъ объявилъ имъ, что правленіе столь обширною Державою для него слишкомъ обременительно и что онъ желаетъ единственно служить своему Господу въ тишинѣ безмятежной; почему и велѣлъ Вельможамъ избрать мужа благоразумнаго, на котораго могъ бы возложить всю тяжесть заботъ Государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, Правителемъ Царства былъ избранъ Дворянинъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, человѣкъ рода не знатнаго, но проницательный и умный. По совершеніи приличныхъ обрядовъ, Ѳеодоръ всталъ съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею Правителя, сказавъ ему: »вмѣстѣ »съ сею цѣпію снимаю я, Царь и Самодержецъ »всея Руси, бремя съ моей выи и возлагаю »оное на тебя, Борисъ Ѳеодоровичъ! Рѣшай въ »моемъ Государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, которыя докладывай мнѣ, не приводя »ихъ въ исполненіе безъ моей Царской воли: »я буду по прежнему Царемъ-Государемъ [3].«

Возведенный въ достоинство Правителя, Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность

весьма усердно и благоразумно; привелъ въ по-1584-1598
рядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія зло-
употребленія, оградилъ права вдовъ и сиротъ.
Изумленные дѣятельностію его, Москвитяне го-
ворили, что во всей Россіи нѣтъ равнаго ему
умомъ и что если, по кончинѣ Царя, умретъ и
Димитрій безъ наслѣдника; то въ цѣломъ Госу-
дарствѣ не льзя найти человѣка способнѣе Бо-
риса къ правленію [4]. Узнавъ о сей молвѣ чрезъ
своихъ шпіоновъ, Годуновъ задумалъ хитрыми
и незамѣтными средствами овладѣть со време-
немъ престоломъ; для сего онъ принялъ столь
искусныя мѣры, что набожный и слабоумный
Царь не имѣлъ отъ супруги своей, Ирины Ѳео-
доровны, сестры Борисовой, ни одного наслѣд-
ника [5].

Въ то же время Годуновъ приказалъ наблю-
дать внимательно за всѣми словами и забавами
юнаго Димитрія; вскорѣ замѣтили въ семъ Ца-
ревичѣ отцовское жестокосердіе: однажды онъ
велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ Дворя-
намъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображе-
ній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ Бояръ,
поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному от-
сѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, инаго
прокололъ на сквозь, приговаривая: »это такой-
»то Бояринъ, такой-то Князь: такъ имъ будетъ
»въ мое царствованіе [6]«

*

1584-1598. Многіе Бояре, симъ устрашенные, видѣли въ Димитріи подобіе Іоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сынъ скорѣе отправился за отцемъ своимъ въ могилу; а болѣе всѣхъ желалъ этого Годуновъ, коего фигуру Царевичъ поставилъ выше прочихъ и отсѣкъ ей голову. *Видна птица по полету*—думалъ Годуновъ, и рѣшился, подобно Ироду, предупредить опасность: подкупленные имъ нѣсколько человѣкъ зарѣзали Царевича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ, и тѣмъ проложили Борису путь къ престолу; но сами получили худую награду: Годуновъ, опасаясь, чтобы злодѣйство его не обнаружилось, приказалъ ихъ умертвить на обратномъ пути въ Москву. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичъ, не умѣя открыть истиннаго виновника, велѣлъ казнить многихъ изъ дворцовыхъ стражей и прислужниковъ юнаго Димитрія; инымъ отрубили голову, другихъ побросали въ воду, или предали пыткѣ, такъ что сіи невинные люди лишились жизни или здоровья 7). Между тѣмъ Годуновъ чрезъ своихъ клевретовъ поджегъ Москву во многихъ мѣстахъ и обратилъ въ пепелъ нѣсколько тысячъ домовъ по обѣимъ сторонамъ Неглинной, въ томъ предположеніи, что одна скорбь прогонитъ другую и что каждый будетъ заботиться болѣе о собственномъ несчастіи, нежели о смерти юнаго Димитрія 8). Такъ сей Царевичъ простился съ

міромъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на 10 году. 1584-1598
Его похоронили въ Угличѣ.

Въ 1597 году смиренный Ѳеодоръ занемогъ тяжкою болѣзнію, отъ которой онъ умеръ на другой день послѣ Богоявленія Господня 9). Когда сей Государь лежалъ на смертномъ одрѣ, Бояре приступили къ нему съ вопросомъ: »если Богу будетъ угодно отозвать тебя, Государь! отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой безъ законнаго преемника?« Царица Ирина, сестра Правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему Государствомъ. Но умирающій Царь предложилъ оный старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ Царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ сію честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному Князю, такъ, что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять оный, какъ послѣ увидимъ. Умирающій Царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: *возми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болѣе держать!* Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ 10). Царь, между тѣмъ, скон-

1598. чался; на другой день, по Русскому обычаю, его похоронили въ церкви, гдѣ погребаются Государи. Онъ царствовалъ 12 лѣтъ.

ГЛАВА II.

Царетвованіе Бориса Ѳеодоровича Годунова.

1598—1604.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова Царемъ. Посолъ Хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о Государствѣ. Намѣреніе просвѣтишь Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ, Герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ Императоромъ. Посолъ Турецкаго Султана. Сношенія съ разными Государями. Іоаннъ, Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Строеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, первостепенные Вельможи начали жалѣть о своей оплошности, и досадуя на проворнаго Бориса, говорили, что сей человѣкъ, низкій родомъ, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Но все это не помогло: Правитель былъ коронованъ на зло Русскимъ пузанамъ. При семъ случаѣ онъ и сестра его, Ирина, вдова умершаго Государя, поступили весьма хитро: Царица, призвавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ,

склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями 1598.
къ убѣжденію воиновъ и гражданъ не избирать на Царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ безпрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ Государствомъ лучше всѣхъ прежнихъ Царей, и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нацелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжебъ, и при усердіи Бояръ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его Государемъ. Этой цѣли онъ скоро достигъ.

Въ продолженіе траура, Годуновъ пересталъ заниматься дѣлами: вездѣ открылись безпорядки; не было суда, ни расправы; все пошло къ верху дномъ. Посему, какъ скоро миновалъ шестинедѣльный (по Русскому обычаю) трауръ, находившіеся въ Москвѣ Государственные чины спѣшили избрать Царя изъ Князей и Боляръ. Среди сихъ чиновъ явился Борисъ съ жезломъ и скипетромъ, сложилъ званіе Правителя, изъявилъ радость объ освобожденіи себя отъ тяжкаго бремени, отъ заботъ безпрестанныхъ, и, казалось, весьма равнодушно смотрѣлъ на корону. Первостепенные Вельможи не могли нади-

1598. виться такому хладнокровію, не зная, что таилось въ его душѣ. Онъ вышелъ изъ собранія.

Князья, между тѣмъ, другъ за другомъ подаютъ голоса: одинъ предлагаетъ того Царемъ, другой другаго; а какъ дошла очередь до Бояръ, выступилъ изъ нихъ впередъ какой-то старецъ, понимавшій видно, *съ которой стороны дуетъ вѣтеръ*, и отъ имени Боярскаго сословія сказалъ: »Высокоименитые Князья! Дѣло сіе ка»сается не одного званія, но каждаго Россіяни»на; что̀ опредѣлятъ всѣ чины Государственные, »не будетъ и намъ, Боярамъ, противно.« Тогда всѣ чины собрались вмѣстѣ и большинствомъ голосовъ опредѣлили: »хотя много Князей и Бо»яръ въ Государствѣ; но нѣтъ мудраго и разум»наго Царя. А какъ Борисъ Ѳеодоровичъ Году»новъ доселѣ управлялъ престоломъ лучше »всѣхъ прежнихъ Вѣнценосцевъ; то, кромѣ его, »никого другаго имѣть Царемъ не желаемъ.« Тогда-то оправдалась пословица: *гласъ Божій-гласъ народа;* кого всѣ избираютъ, тотъ и Богомъ избранъ.

Опредѣленіе чиновъ, вѣроятно, не очень понравилось Князьямъ и Боярамъ; но дѣлать было нечего; послали за Правителемъ. Сей хитрецъ однако не явился; отвергнулъ корону (такъ искусно онъ притворялся) и ушелъ въ Дѣвичій монастырь, къ сестрѣ своей, Иринѣ, съ которою желалъ онъ (такъ разгласили въ народѣ), посо-

вѣтоваться, на что ему рѣшиться, постричься 1598.
ли въ монахи, или что-либо другое сдѣлать. Клевреты же его спѣшили воспользоваться временемъ, убѣждали народъ дѣйствовать рѣшительно, и говорили, что если дозволятъ Борису принять схиму, то во всемъ Государствѣ не найдется другаго столь мудраго Правителя. »Пре»кратите ваши совѣщанія, завопили толпы чер»ни къ Боярамъ, слѣдуйте за нами въ мона»стырь и дѣлайте дѣло.«

И такъ, въ слѣдствіе опредѣленія Государственныхъ чиновъ, знатнѣйшія Духовныя особы, Князья и Бояре, купцы и царедворцы, воины и ремесленники, отправились въ монастырь, для предложенія Правителю Царской короны; Борисъ велѣлъ имъ сказать, что трудъ ихъ напрасенъ, что онъ довольно послужилъ міру и заботился о Государствѣ; теперь желаетъ одного спокойствія. »Государь! Борисъ Ѳеодоровичъ! за»вопилъ народъ, сжалься, смилуйся надъ нами; »будь намъ Царемъ-Государемъ!« Долго раздавались сіи вопли; наконецъ онъ вышелъ изъ келліи; благодарилъ за честь и сказалъ, что престолъ должно предложить тѣмъ Князьямъ и Боярамъ, которые знатнѣе его родомъ. Народъ не хотѣлъ этого слышать, палъ на колѣна, кланялся въ землю, взывая и умоляя: »Государь! сжаль»ся надъ нами; будь Царемъ нашимъ!« Борисъ опять скрылся, отринувъ сію просьбу. Тутъ, по

1598. волѣ избирателей, два отрока [11]) подошли къ монастырю и начали пѣть, довольно непріятнымъ голосомъ, въ надеждѣ смягчить Правителя: »Смилуйся, Государь Борисъ Ѳеодоровичъ! »если отцы наши прогнѣвали тебя своими грѣ»хами, троньси моленіемъ нашимъ: мы еще ни »въ чѣмъ невиновны; хотя ради насъ, будь Ца»ремъ! По всей землѣ Русской блуждаютъ овцы »безъ пастыря: будь нашимъ пастыремъ! Богъ »вознаградитъ тебя!« Борисъ явился опять, уже съ сестрою, и все еще упорствовалъ въ отказѣ; тогда всѣ обратились къ ней съ просьбою, сжалиться надъ блуждающими овцами и убѣдить брата. Царица, съ низкимъ поклономъ, просила его согласиться на желаніе бѣднаго народа. »Вижу, сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію, что всѣ сословія рѣшились возвести меня на Царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на сіе есть воля Божія, прошу на нѣсколько недѣль отсрочки: между тѣмъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на Крымскихъ Татаръ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ.« Такъ долго Правитель отказывался отъ высокой чести, которой онъ давно добивался!

Повѣстили немедленно во всемъ Государствѣ, чтобы Россіяне къ Іюню мѣсяцу собра-